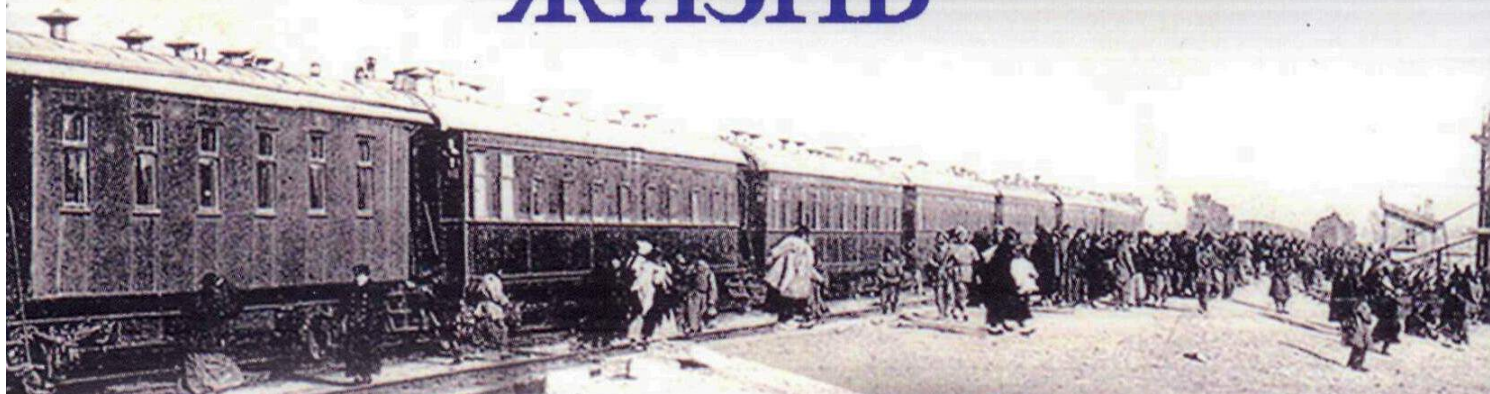

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ

ИСТОРИЯ БЕЗ КУПЮР

Время и судьбы

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК

2015

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ

СОДЕРЖАНИЕ

МЕМУАРЫ

- Глеб Ивашенцов**, *Чрезвычайный
и Полномочный Посол*
Зарисовки из далеких стран 5
- Анатолий Зайцев**, *Чрезвычайный
и Полномочный Посол, кандидат экономических наук*
Вьетнам в моей жизни 31
- Евгений Трофимов**, *ректор Российской
международной академии туризма,
в 1986-1990 гг. - заведующий сектором
Белоруссии и Прибалтики Орготдела ЦК КПСС,
доктор политических наук*
Распад СССР начался с Прибалтики:
уроки бездействия 51

(Продолжение на след. стр.)

СПЕЦВЫПУСК

РАСПАД СССР НАЧАЛСЯ С ПРИБАЛТИКИ: УРОКИ БЕЗДЕЙСТВИЯ

Евгений Трофимов

С 1983 ГОДА и фактически до распада и запрета КПСС в 1991 году я работал в аппарате ЦК, в Отделе организационно-партийной работы*. Вначале курировал Дагестан, Краснодарский край, Адыгею, Тамбовскую область. В 1986 году был утвержден заведующим сектором Белоруссии и Прибалтики. Позднее сектор был расширен, в его состав вошли северо-западные области СССР, в том числе Ленинград и Ленинградская область. В 1990 году был назначен заместителем заведующего Отделом по законодательным инициативам и правовым вопросам, мои обязанности расширились, но все равно мне пришлось работать с Прибалтикой и оставаться в гуще событий.

Поначалу коллеги завидовали мне: Белоруссия и Прибалтика - лакомый кусочек, регионы со сравнительно хорошей по тому времени экономикой. Согласно предыдущей практике, по итогам каждой пятилетки руководитель сектора представлялся

Евгений Николаевич Трофимов - ректор Российской международной академии туризма, в 1986-1990 гг. - заведующий сектором Белоруссии и Прибалтики Орготдела ЦК КПСС, доктор политических наук.

*Отдел занимался вопросами деятельности партии на местах, включая решение вопросов расстановки кадров.

к высокой государственной награде. С развертыванием перестройки в наш быт вошли слова «гласность» и «демократия». Тем не менее первый год в должности заведующего сектором я отрабатывал достаточно спокойно, но вот дальше попал в самое пекло.

Начиналось все внешне пристойно. На перестроечной волне среди интеллигенции прибалтийских республик стали обсуждать темы недавней истории. Отдельные организации (в Латвии - Союз писателей, в Эстонии - Союз художников, в Литве - местное Отделение Академии наук) выступали с заявлениями о суверенитете, просили дать им больше самостоятельности, предоставить республикам статус свободной экономической зоны. Стали проводиться митинги, демонстрации, носившие в основном мирный характер.

Скажу, что в ЦК КПСС владели информацией, которая стекалась туда из разных каналов. Вопрос - в том, как она трансформировалась в последующие шаги, действия. Очевидно, существовало и такое мнение: в сравнении с другими живут они хорошо, что им еще нужно? Есть и промышленное производство, и сельскохозяйственное, и туризм. Советская власть многое дала прибалтийским республикам, и при этом Москва вела себя в отношении их довольно лояльно.

Несколько цифр все-таки приведу. За первые пять послевоенных лет количество курортов и санаториев на Рижском взморье выросло в 16 раз. В 1990 году Литва занимала 39-е место в мире по ВВП на душу населения, Латвия - 40-е, Эстония - 46-е. На тот момент Прибалтика располагала густой сетью качественных шоссе, хорошо оборудованными морскими и воздушными портами, современной обрабатывающей промышленностью и энергетикой.

В Литве действовал современный Мажейкяйский нефтеперерабатывающий завод, мощностью 15 млн. тонн, что позволяло удовлетворить потребности всей Прибалтики в нефтепродуктах, функционировали Ионавское ПО «Азот», металлургическое производство и судостроение, в Латвии Рижский вагоностроительный завод производил продукцию для всего СССР, как и электротехнический завод ВЭФ. В Елгаве располагался автомобильный завод РАФ, производивший до 15 тыс. микроавтобусов в

год. Ингалинская АЭС обеспечивала электроэнергией всю Литву, да и другие регионы. У населения формировались атрибуты, как сейчас говорят, среднего класса - своя квартира, дача, машина.

Высокие темпы экономического роста в Прибалтике производили на руководство Союза и республик сильный усыпляющий эффект, казалось, что счастье будет вечным. Постепенно «экономическое чудо» Прибалтики закончилось кризисом принятой модели развития, ростом теневой экономики. Отдельно проблемы кризиса применительно к Прибалтике не исследовались или исследовались поверхностно, без глубоких практических выводов, действий.

Помню, я был в командировке в Риге в разгар первого массового митинга и находился в кабинете первого секретаря ЦК Компартии Латвии Б.К.Пуго. О нем многое потом говорили, но в моем понимании он остался удивительно смелым, решительным и преданным Советскому Союзу руководителем. Шум за окном усиливался, и в этот момент в кабинет зашел заведующий общим отделом и сообщил, что к зданию «движется толпа разъяренных людей» и поэтому он распорядился подать к черному входу автомобиль, чтобы мы могли беспрепятственно покинуть помещение. Мы с Борисом Карловичем подошли к окну и увидели толпы рижан, движущихся к зданию ЦК и несших транспаранты. Посоветовавшись, мы решили не бежать, а выйти навстречу людям и поговорить с ними. Вышли, разговор завязался непростой: людям хотелось демократии, гласности. Но я так понял, что большинство из них просто жаловались на высокие цены. А по сути, люди хотели просто лучше жить. В тот день нам удалось сгладить ситуацию, но проблемы как таковые остались.

Затем выступления ширились и все больше политизировались, а по мере политизации все чаще разговор заходил о пакте Молотова - Риббентропа, согласно которому Прибалтика якобы была оккупирована Советским Союзом и утратила свою самостоятельность. Пакт явился фоном всех последующих событий. В городе среди населения стали распространяться печатные материалы на эту тему. Одна из таких листовок оказалась у меня в руках - полстранички на английском языке. Захватил ее с собой в Москву и передал секретарю ЦК КПСС, однако последующей реакции на это не последовало. Не приняли ситуацию всерьез, а зря.

На пакте же Молотова - Риббентропа сделаю небольшое отступление. Это межправительственное соглашение, подписанное 23 августа 1939 года главами ведомств по иностранным делам Германии и Советского Союза, согласно которому стороны обязывались воздерживаться от нападения друг на друга и соблюдать нейтралитет в случае, если одна из них становилась объектом военных действий третьей стороны. Предусматривался взаимный обмен информацией в вопросах, затрагивающих интересы сторон. Все вроде бы логично.

Но речь заходила о секретном приложении к договору о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе, предусматривавшем включение Латвии, Эстонии и Финляндии, восточных «областей», входивших в состав Польского государства и Бессарабии, в сферу интересов СССР, Литвы и запада Польши - в сферу интересов Германии.

Характерно, что уже через неделю после подписания пакта - 1 сентября 1939 года Германия начала вторжение в Польшу, и только 17 сентября 1939 года на территорию Польши вошли советские войска, что явно указывало на то, кто является идейным вдохновителем раздела, а кто действует исходя из складывающейся ситуации. Так территориальный раздел Польши был завершен. Мало кто знал текст этого секретного приложения, но тем не менее именно это приложение легло в основу раскручивания маховика прибалтийских событий. Вместо того чтобы объяснять ситуацию с точки зрения геостратегических позиций, Центр (Москва) предпочитал «отсиживаться в окопах», а наиболее активные российские демократы заняли позицию резкого его отрицания. Напомню, что в 1989 году Съезд народных депутатов СССР осудил секретный дополнительный протокол к договору и признал его недействительным с момента подписания.

Сейчас оценки влияния договора на последующие события разными историками разнятся. Кто-то продолжает считать его главным следствием утрату независимости Польшей, Литвой, Латвией и Эстонией. Но все больше историков говорят, что благодаря этому договору Советский Союз вернул территории, ранее принадлежавшие Российской империи, расширив таким образом

свои пределы, отложил на два года начало войны, предотвратил создание враждебной ему коалиции между Германией, Англией и Францией.

Причины подписания договора называются разные. Но напомним, что пакт с Германией был подписан после провала московских переговоров, проходивших весной-летом 1939 года между представителями СССР, Англии и Франции в целях заключения тройственного договора о взаимопомощи, включавшего набор мер по обеспечению коллективной безопасности в Европе. Проект тройственного договора был подготовлен советской стороной. В ходе упомянутых переговоров обнаружилось нежелание Англии и Франции взять на себя конкретные военные обязательства. Что оставалось делать Москве?

Но обращает на себя внимание другое: параллельно с московскими переговорами английское правительство проводило переговоры в Лондоне с германскими представителями о разграничении сфер влияния. У советского руководства складывалось мнение, что западные партнеры стремятся направить гитлеровскую агрессию на восток. Советскому Союзу маячила перспектива оказаться в обстановке враждебного окружения. Сегодня ряд советских историков прямо говорит, что подписание договора становилось единственной возможностью избежать войны с Германией в неудобное и невыгодное для СССР время в отсутствие союзников.

«Вина» Сталина состояла в том, что, столкнувшись с недобросовестностью Великобритании и Франции, он предпочел остаться в стороне от войны и воспользоваться выгодами от «дружбы» с Германией, тем самым утвердив свои политические интересы в Восточной Европе. Вот почему СССР был вынужден согласиться на предложения Германии о начале переговоров на предмет заключения договора о ненападении. Но в конце 1980-х годов в Москве господствовали иные настроения, такой позиции придерживаться считалось ретроградством. При всей этой шумихе мало кто вникал в причинно-следственную часть событий 50-летней давности.

Еще один момент. Думаю, что редко какое миролюбивое государство сможет отказаться от заключения мирного соглашения с соседней державой. И это, конечно, при одном неременном

условии - если мирное соглашение не задевает ни прямо, ни косвенно территориальной целостности, независимости и чести этого государства. С другой стороны, безусловно, распространено мнение, что, заключив сделку с Гитлером, Сталин дал сигнал к началу войны, которой наверняка предстояло перерасти в конфликт мирового масштаба, что можно считать его самой большой ошибкой в жизни. Но история не знает сослагательного наклонения, историки мыслят реальными категориями уже свершившегося.

В СССР на протяжении всего послевоенного периода существование секретного протокола к пакту отрицалось, в то время как на Западе утверждали, что такой протокол имел место и явился обоснованием для «советской оккупации Прибалтики». Почему бы во время не раскрыть его содержание, не объяснить людям? Нагнетание таинственности и упорное отрицание документа лишь усиливали кривотолки. Только в самом конце 1980-х годов, после проведения дополнительных исследований, в СССР были опубликованы эти секретные приложения. 24 декабря 1989 года Съезд народных депутатов СССР констатировал, что переговоры с Германией по секретным протоколам велись Сталиным и Молотовым втайне от советского народа, который не несет ответственности за этот сговор. Посыпание Центром своей головы пеплом не снимало, а только разжигало страсти в Прибалтике.

В то время мало кто в противовес пакту акцентировал внимание на другом, предшествующем ему документе, фактически развязавшем руки Гитлеру. Провал идеологической работы выразился и в том, что на тот момент не удосужились напомнить о Мюнхенском сговоре, или соглашении, которое было подписано за год до пакта Молотова - Риббентропа. 30 сентября 1938 года премьер-министром Великобритании Н. Чемберленом, премьер-министром Франции Э. Даладье, рейхсканцлером Германии А. Гитлером и премьер-министром Италии Б. Муссолини было подписано соглашение относительно передачи Германии чешской Судетской области, где проживало около 3 млн. этнических немцев. Оно вынудило Президента Чехословакии Э. Бенеша без согласия Национального собрания сразу же принять к исполнению данное соглашение. Недаром Мюнхенское соглашение

называют кульминационной точкой английской политики умиротворения. Сговор критиковали и на Западе. В те дни лидер британской оппозиции У. Черчилль сделал в своем дневнике следующую запись: «Англии был предложен выбор между войной и бесчестием. Она выбрала бесчестие и получит войну».

Мюнхен усилил экспансионистские настроения не только ведущих политических игроков, в первую голову нацистской Германии. Ее союзницей в этом плане стала Польша, чтобы затем уже пасть в качестве ее жертвы. 21 сентября 1938 года, в самый разгар Судетского кризиса, польская верхушка предъявила чехам ультиматум с требованием возвращения Тешинской области, где проживало 80 тыс. поляков и 120 тыс. чехов, а в самой Польше стала нагнетаться античешская истерия. 30 сентября, день в день с заключением Мюнхенского соглашения, Польша одновременно с немецкими войсками ввела свою армию в Тешинскую область. Оставшись в одиночестве, чехословацкое руководство было вынуждено принять условия ультиматума. Другая страна - Венгрия 2 ноября 1938 года приобрела южные районы Словакии и Подкарпатской Руси. 14 марта 1939 года парламент словацкой автономии принял решение о выходе Словакии из состава Чехословакии и об образовании Словацкой республики. Германия ввела на территорию оставшихся в составе Чехии земель свои войска и объявила над ними протекторат.

Присоединение Прибалтики к СССР (1939-1940 гг.) явилось сложным процессом включения независимых Литвы, Латвии и Эстонии в состав Советского Союза. Вряд ли выдержит серьезной критики позиция тех зарубежных и либеральных российских исследователей, именовавших этот процесс как оккупацию и аннексию. Они в своих умопостроениях отрывают процесс вхождения балтийских стран в состав Союза от конкретной геополитической и геостратегической ситуации, которая складывалась тогда в Европе и самой Прибалтике на фоне разворачивающейся в Европе Второй мировой войны.

Летом 1940 года прибалтийские республики вошли в состав СССР на основе решений высших законодательных органов этих стран¹, на основе проведенных в те критические дни внеочеред-

ных парламентских выборов, на которых победу одержали про-советские блоки. В Эстонии явка избирателей составила 84,1%, при этом за Союз трудового народа отдано 92,8% голосов, в Литве явка составила 95,1%, из которых 99,19% проголосовали за Союз трудового народа, в Латвии явка составила 94,8%, за Блок трудового народа было отдано 97,8%².

Вновь избранные парламенты уже 21-22 июля 1940 года провозгласили создание Эстонской ССР, Латвийской ССР и Литовской ССР и приняли декларации о вхождении в СССР. 3-6 августа 1940 года в соответствии с решениями Верховного Совета СССР эти республики были приняты в состав Советского Союза. Вхождение прибалтийских республик в состав СССР признали такие страны, как Швеция, Испания, Нидерланды, Австралия, Индия, Иран, Новая Зеландия, Финляндия, де-факто - Великобритания и ряд других стран мира. Не признали США и Ватикан.

Однако вернусь к событиям конца 1980-х - начала 1990-х годов. Протестные движения, основанные на некоторых исторических умозаключениях, нарастали, постепенно стали структурироваться радикальные силы: «Саюдис» в Литве, народные фронты в Латвии и Эстонии. В основном нагнетание обстановки шло в столичных городах республик Прибалтики, где к этому времени проживало более 50% русскоязычного населения. По мере развития ситуации радикалы поднимали новые вопросы: введение самостоятельного гражданства, то есть гражданами республик признавались те люди, которые проживали в республиках до 1940 года, или их потомки; государственным языком должен стать только латвийский, литовский, эстонский. Преподавание в вузах и школах должно идти только на родном языке. В это время в Прибалтике стали появляться западные эмиссары.

В местное общество был вброшен еще один вопрос - якобы Прибалтика кормит Москву, вот почему на местах продуктов не хватает. Это был важный повод для развертывания так называемых народных движений.

Помню в 1989 году командировку в Эстонию вместе с секретарем ЦК КПСС Н.Н.Слюньковым, который в ЦК отвечал за экономические вопросы. Николай Никитович до этого

много лет работал первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии, многое сделал для подъема экономики этой республики. Встреча с представителями общественности состоялась в ЦК Компартии Эстонии. На нее пригласили всех академиков, ведущих специалистов отраслей народного хозяйства и партийных работников республики. Секретарю ЦК КПСС под натиском вопросов пришлось очень трудно. Тогда на каком-то этапе встречи он предоставил слово мне, как куратору региона.

Я владел достаточной информацией, чтобы вести разговор, кормит ли Эстония Центр. На цифровом материале показал, что в соответствии с решениями Госплана СССР в Москву поставляется только 35-40% эстонского мяса, молока и яиц, остальное используется по усмотрению самих эстонцев. Но главным моим козырем стало предложение: давайте всю эту продукцию оставим у вас, но при одном условии: республика будет лишена дотации на фуражное зерно. Зал в этот момент притих, а я напомнил эстонским товарищам, что каждая тонна завезенного из-за рубежа фуражного зерна на три четверти дотируется Центром. У Центра не убудет, он может передать предназначенное для Эстонии зерно, например, Белоруссии, где имеется много современных свинокомплексов, комплексов по откорму крупного рогатого скота, птицефабрик, но они заполнены лишь на 80%. Завоз зерна позволит заполнить их полностью скотом, создать дополнительные рабочие места и давать Москве больше продуктов, чем Эстония. После этого разговор пошел в ином русле, в сторону конструктивности.

С Эстонии я начал потому, что западные спецслужбы, очевидно, хотели «раскачать» Эстонию первой, а затем уже Литву и Латвию. Но не сразу у них это получилось. Компартию Эстонии возглавлял Карл Генрихович Вайно - интернационалист по своим воззрениям, преданный идеалам Советского Союза, возможно потому, что родился в Сибири, в Томске, там же начинал свою трудовую деятельность. Десять лет руководил Компартией Эстонии, но в 1988 году ему исполнилось 65 лет, он попросился в отставку, не изменив своим взглядам. Естественно, стал вопрос о первом секретаре. Кандидатуру на этот пост в тот

момент продвинул, а возможно навязал, секретарь ЦК КПСС, член Политбюро А.Н.Яковлев. Яковлев ведал идеологией, был любимчиком Генерального секретаря ЦК КПСС и предложил на этот пост Вяльяс Вайно Иосиповича.

В.И.Вяльяс был известным в Эстонии партработником, но последние восемь лет находился на дипломатической работе. Его отозвали с должности посла СССР в Никарагуа, а перед новым назначением поручили мне провести с ним беседу в ЦК КПСС. Первое впечатление: человек грамотный, но при этом хитрый, с явно размытыми взглядами на политическую обстановку в СССР. Зачем потребовалось именно это назначение - многие в аппарате ЦК КПСС не понимали, но при этом знали, что он - ставленник Яковлева. А значит, будет работать на так называемую демократию, которая приведет к развалу СССР. Назначение, невзирая на мое мнение, состоялось. Наши подозрения оправдались: в последующем в республике значительно активизировалась деятельность разного рода западных эмиссаров, ратовавших за выход Эстонии из состава СССР.

Тональность протестного движения в Эстонии менялась. Образовавшийся в апреле 1988 года Народный фронт Эстонии поначалу выступил в поддержку перестройки, а затем объявил борьбу за суверенитет республики. Важную роль в этой переориентации сыграл, как ни странно, Союз художников Эстонии. Уже летом в Таллине прошли крупные массовые мероприятия «Поющая революция», на которых исполнялись песни протеста и распространялись агитационные материалы. 11 сентября 1988 года на Певческом поле в Таллине проходил праздник «Песнь Эстонии», где собралось около 300 тыс. эстонцев, то есть около трети эстонского народа, по сути превращенный в митинг. На нем местными диссидентами был озвучен призыв к независимости Эстонии.

В.Вяльяс сделал свою работу. В марте 1990 года Компартия Эстонии пережила раскол: бóльшая ее часть во главе с ним, выступавшая за суверенитет Эстонии, заявила о выходе из состава КПСС и в дальнейшем сформировала Демократическую партию труда Эстонии (ДПТ). Но примерно треть делегатов XX съезда Компартии Эстонии, состоявшегося 26 марта 1990 года, заявила о

своем несогласии с провозглашением самостоятельности партии. Эти люди продолжили работу съезда, избрали свой состав ЦК и секретарей. В июне 1990 года они сформировали Компартию Эстонии на платформе КПСС. Эта партия выступала против выхода Эстонии из состава СССР. Первым секретарем ДПТ был избран Энн-Арно Силлари, умеренный по взглядам человек, который проработал до 1992 года. При нем произошли все процессы, связанные с выходом Эстонии из Союза ССР, причем более-менее спокойнее, чем в других прибалтийских республиках. Но тогда, очевидно, более важную роль в политической жизни Эстонии играл Арнольд Рюйтель - Председатель Президиума Верховного Совета Эстонской ССР, Председатель Верховного Совета, а затем и первый Президент Эстонской Республики.

Я лично встречался с ним не раз. Это был высокого роста, красивый мужчина, но при этом слабо разбирающийся в экономике. Во время нашей с ним первой встречи он пошутил, сказав, что его подбирали на пост председателя по внешнему виду и почти все международные встречи поручалось проводить ему. Республика маленькая, а значит, ее представитель должен быть большим. Но как к политической фигуре к нему нужно было прислушиваться, с ним надо было работать, что, к сожалению, сделано не было.

В 1990 году, когда процесс выхода Эстонии из состава СССР только начинал набирать обороты, руководству Орготдела удалось уговорить М.Горбачева встретиться с А.Рюйтелем. Тот прибыл в ЦК и много часов провел у нас в кабинете в ожидании вызова к Генеральному секретарю. Но Горбачев по каким-то своим соображениям вдруг отказался его принимать. Когда мы узнали об отказе Горбачева от встречи, то оказались в крайне неловком положении. Тот момент я запомнил надолго. Перед нами сидел уже не голливудский красавец, а растерянный человек, утверждавший, что он сможет навести порядок в республике, но для этого ему нужна поддержка генсека. И на глазах у этого человека, награжденного, кстати, орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, «Знак Почета», бывшего в свое время депутатом Верховного Совета СССР, были слезы. Никакой поддержки он не получил, и ситуация в Эстонии стала

развиваться не по сценарию Москвы, если, конечно, таковой имелся - а это тоже вопрос.

Наверное, обида эта глубоко засела в сердце А.Рюителя. Забегая вперед, скажу, что в 2005 году он вместе с Президентом Эстонии публично отказался от приглашения Президента России приехать в Москву на торжества по случаю 60-летия Победы в Великой Отечественной войне. Таким образом, Эстония стала единственной страной НАТО и ЕС, чьи первые лица из числа приглашенных не приехали в Москву. А ведь в боях за освобождение Эстонии от нацистов погибло около 300 тыс. советских солдат и офицеров. Свой отказ А.Рюитель мотивировал тем, что Эстония после окончания войны не смогла свободно выбирать свое будущее, а большинство эстонцев ассоциируют окончание Великой Отечественной войны с укреплением советского тоталитарного режима.

Дальше события в Эстонии развивались следующим образом. 12 ноября 1989 года Верховный Совет республики принял постановление «Об историко-правовой оценке событий, имевших место в Эстонии в 1940 г.», которое признало незаконной декларацию от 22 июля 1940 года о вхождении Эстонской ССР в состав СССР. 30 марта 1990 года было принято постановление «О государственном статусе Эстонии», в котором отмечалось, что оккупация республики Советским Союзом 17 июня 1940 года не прервала де-юре существования Эстонской Республики. Фактически постановление провозглашало формирование ее новых конституционных органов.

Свою лепту в процесс внес и Б.Н.Ельцин. 12 января 1991 года Председатель Верховного Совета РСФСР прибыл в Таллин. В ходе встречи с Председателем Верховного Совета Эстонской Республики А.Рюителем он подписал Договор об основах межгосударственных отношений РСФСР с Эстонской Республикой, в котором обе республики рассматривались как суверенные государства и субъекты международного права. Эта встреча окончательно похоронила в Эстонии советскую власть, и Горбачев с этим смирился.

А уже 3 марта состоялся референдум по вопросу независимости Эстонской Республики, в котором участвовали лишь правопреемные граждане (в основном эстонцы). 78% проголосовавших

поддержали идею национальной независимости Эстонии от СССР. 20 августа 1991 года Верховный Совет Эстонии принял постановление «О государственной независимости Эстонии».

Ситуация в Литве была в чем-то похожая, а в чем-то имела свою специфику. С началом политики перестройки там резко обострились национальные проблемы, что не могло не оказать влияния на руководство Компартии Литвы. В декабре 1989 года на съезде КПЛ произошел раскол. Большая часть (около 85 тыс. коммунистов) во главе с первым секретарем А.М.Бразаускасом провозгласила выход из КПСС, остальные (около 40 тыс. человек) во главе с профессором М.М.Бурокаявичюсом создали свою Компартию Литвы на платформе КПСС. После августовских событий 1991 года и распада СССР структуры Компартии Литвы (КПСС) были фактически разгромлены. В 1992 году партии было запрещено действовать на территории Литвы, и сейчас КПЛ находится практически в подполье.

20 декабря 1989 года мне довелось принимать участие в работе того съезда Компартии Литвы, который принял резолюцию о выходе из КПСС. Накануне вечером 19 декабря я возвращался из здания ЦК КПЛ в гостиницу, которая располагалась поблизости. Уже вечерело. На пути заметил группу молодежи, несколько человек подошли ко мне и заговорили по-литовски. Я извинился и сказал, что я говорю по-русски. Последовал удар снизу вверх, от которого я увернулся. Сбили шапку, которую я тут же поднял, и быстрым шагом ушел в гостиницу. Конечно, это была преднамеренная провокация, на которую я не поддался.

О произошедшем на утро сообщил первому секретарю ЦК КПЛ и заместителю председателя КГБ Литвы. О провокации я догадался, когда в то же утро, перед началом работы съезда, ко мне подошел собкор «Комсомольской правды» по Литве и спросил: «Господин Трофимов, правда, что на вас сегодня ночью было совершено покушение? Правда, что пожаловались на это М.С.Горбачеву и сегодня в Вильнюс будут введены советские войска?» Подумал: ну ты загнул! И вообще откуда ты про все это узнал? Попросил молодого человека выключить диктофон и сказал, что факт нападения имел место, но я рассматриваю его как обычное хулиганство, которое

могло быть в Москве, Ленинграде или любом другом городе. И попросил его не поднимать вокруг этого ажиотажа. Корреспондент, кстати, сдержал свое слово.

Очевидно, какой-то режиссер в Литве работал. По дороге на съезд, а туда я отправился с Бразаускасом, мы должны были перейти из здания ЦК в другое здание. Путь был выбран через толпу людей, собравшихся на улице. Их было много - десятки тысяч. Бразаускас в разговоры с ними не вступал, но собравшиеся заранее, до оглашения результатов съезда явно приветствовали его и скандировали лозунги типа «Литве - независимость!», а в мой адрес доносилось: «Долой оккупантов!» На съезде с первых минут началось обсуждение вопросов, связанных с независимостью Литвы и выходом ее из СССР. Я на минуту покинул зал заседания и по телефону доложил секретарю ЦК КПСС о негативном для Центра развитии событий. Но в ответ услышал следующее: «А Бразаускас мне докладывает совсем другое». В эту минуту я вспыхнул: «Слушайте кого-то одного!» Дальше секретарь ЦК КПСС стал созваниваться с Бразаускасом, что-то выяснять. Доложил Генеральному секретарю. После этого Горбачев послал в Вильнюс телеграмму, которая никакой роли фактически не сыграла: раскол в партии свершился, была образована Компартия Литвы на платформе КПСС.

В середине января 1990 года М.Горбачев все-таки приехал в Литву, где на встречах и совещаниях провел два дня. С его стороны были и решительные слова, и обещания, но на деле они прикрывали готовность М.Горбачева выполнять заключенные с Президентом США Дж.Бушем договоренности на Мальте. Историки считают, что именно на Мальте М.Горбачев дал некие обещания своему американскому партнеру. В ходе встречи тет-а-тет бывший директор ЦРУ, достаточно искушенный в методах воздействия на честолюбивых людей, мог выдвинуть генсеку убийственный аргумент, сообщив, что если тот не отпустит Прибалтику, то в США о нем сложится плохое мнение. Никто из нас, естественно, не знал о сути разговора Дж.Буша и М.Горбачева, но именно после него мы по настроениям прибалтийской оппозиции почувствовали, что ей был выдан карт-

бланш. Витийства генсека и его замысловатые обороты не ввели в заблуждение коммунистов Литвы, представлявших как ту, так и другую платформы. Поданный сигнал им был ясен. Слова Горбачева о реформе КПСС и СССР уже не воспринимались ими всерьез. Литва на всех парах устремилась на Запад.

Компартию Литвы на платформе КПСС возглавил Миколас Мартинович Бурокаявичюс - человек интересный, талантливый ученый, доктор исторических наук. Трагическую роль в его судьбе сыграли вильнюсские события - захват телецентра. Именно его имя ассоциировали с обращением к М.Горбачеву с просьбой ввести в Вильнюс войска. Тогда, 11-13 января 1991 года, во время захвата телебашни в Вильнюсе погибли 13 человек. Итогом этой акции стало провозглашение Комитета национального спасения Литвы в качестве единственной легитимной власти в стране, а сам М.Горбачев в свойственной ему манере отмежевался от происходящего, лицемерно заявив, что никакого согласия на ввод войск не давал, это, дескать, дело министра внутренних дел Б.К.Пуго и министра обороны Д.Т.Язова. Понятно, что министры силового блока подчиняются только первому лицу государства и они ничего не стали бы делать без его на то ведома.

Прошла неделя после вильнюсских событий, и я случайно встретил в здании ЦК КПСС М.Бурокаявичуса. На мое недоумение он сказал, что ни с какой просьбой о вводе войск он не обращался, а действовал строго по инструкции, выполняя личные указания генсека и Президента СССР. Мы с ним были согласны в том, что никакой необходимости ввода войск в Вильнюс в то время не было, хотя столицу Литвы и сотрясали митинги и демонстрации. Но многие из них носили сугубо экономический характер. Литовцы требовали улучшения экономической ситуации, снижения цен на продукты питания, а уже потом ставили вопросы и о замене власти, как неспособной решить эти проблемы. Выходило, что Центр не задействовал в полной мере политические рычаги, а тем более экономические. Вследствие этого он сдавал одну позицию за другой. После вильнюсских событий остановить выход прибалтийских республик из состава СССР было уже трудно.

13 января 1991 года прокуратура Литвы возбудила уголовное дело относительно попытки свершения госпереворота. В качестве одного из обвиняемых в нем фигурировал М.Бурокаявичюс. Каким-то образом они довели это дело до логического конца: М.Бурокаявичюс был арестован, приговорен к 12-летнему тюремному заключению. В тюрьме он перенес операцию по шунтированию сердца. В начале 2000 года Президент Литвы предложил ему помилование при условии, что тот обратится к нему с соответствующей просьбой. Бурокаявичюс отверг предложение, заявив, что у него нет вины перед родиной. В тюрьме Миколас Мартинович провел около семи лет, после чего был переведен в колонию строгого режима.

Примерно в то же время была запланирована поездка в Прибалтику секретаря ЦК КПСС, члена Политбюро ЦК КПСС А.Н.Яковлева. Как непосредственный куратор, я изначально был включен в список сопровождавшей его делегации. Но потом он по непонятной для многих и понятной для него самой причине вычеркнул меня из списка. В ходе его поездки была дана «зеленая улица» на выход Латвии, Литвы и Эстонии из состава СССР. Мне было известно о содержании его выступлений, в которых он давал понять, что, дескать, идут демократические процессы, появляются неформальные общественные движения и эту тенденцию надо поддерживать. Думаю, что А.Яковлев сыграл ключевую партию в дестабилизации обстановки в Прибалтике, а М.Горбачев его в этом поддержал. По итогам поездки А.Яковлеву было поручено возглавить Комиссию Политбюро по Прибалтике. Меня в нее вначале включили, но после первых заседаний просто перестали приглашать.

Однако в Политбюро существовала коллегиальность. Ситуацию в Прибалтике, по нашим предложениям, было поручено оценить еще двум его членам - секретарям ЦК В.А.Медведеву и В.М.Чебрикову. Они отправились туда разбираться на местах. Вместе с Медведевым я был в Латвии. Вернувшись в Москву, Медведев и Чебриков были возмущены антисоветскими выпадами против них, самим характером встречи представителей Центра с плакатами «Русские убирайтесь вон!», «Немедленный выход из СССР!», тональностью работы местного телевидения,

разжигавшего национальную рознь. И только Яковлев по возвращении из Литвы докладывал Горбачеву, что все подконтрольно, нормально, перестройка идет полным ходом.

Складывалось впечатление, что он советовал первому лицу СССР делать ставку не на коммунистов с платформы КПСС, а на националистических лидеров: в Литве - Бразаускаса и Прунскене, в Латвии - Горбунова, а в Эстонии - Вяльяса. Именно эти лидеры возглавили движение прибалтийских республик за выход из состава СССР. Но было непонятно, что конкретно выигрывает от всего этого сам М.Горбачев. Таким образом, необратимые процессы в Прибалтике пошли с новой силой, теперь уже с его молчаливого согласия.

Что во всем происходящем поражало больше всего? Я общался с представителями Латвии, Литвы и Эстонии разного уровня и разных взглядов. Со многими из них можно было найти общий язык. Подолгу беседовал с Казимирой Прунскене, которая в дальнейшем стала премьер-министром Литвы. Были разговоры с Бразаускасом (Литва), Горбуновым (Латвия), Вяльясом (Эстония), председателями союзов писателей, художников, учеными из Академии наук. Они не были «врагами», они хотели самостоятельности, ждали реальной перестройки, но в ответ видели нерешительность, болтовню и размывание вопросов, которые они поднимали перед союзным руководством. Что им оставалось делать, кроме как разворачиваться на Запад?

Знало ли руководство страны, что происходило в Прибалтике, каковы там настроения? Да, знало, его об этом постоянно информировали. Отдел организационно-партийной работы ЦК ежедневно письменно докладывал о происходящих событиях в Литве, Латвии и Эстонии и предлагал, на наш взгляд, необходимые меры. Эти записки ежедневно ложились на столы членов Политбюро, но с их стороны действенной реакции не наблюдалось. И здесь, очевидно, многое определяла позиция А.Н.Яковлева. Как-то раз во время одного из заседаний Председатель Совета Министров СССР Н.И.Рыжков бросил ему в сердцах: «У меня такое ощущение, что ты готов всех распустить! Тебя нельзя пускать в Прибалтику»³.

Понимали ли мы возникавшие при этом проблемы русского и русскоязычного населения Прибалтики? Да, понимали, работали

и в этом направлении. Дело в том, что местное русскоязычное население сразу же поняло, что дело идет к отделению. Хорошо помню одну из своих командировок в Вильнюс весной 1990 года. Находясь в здании ЦК Компартии Литвы, я получил звонок из ЦК КПСС с просьбой принять секретаря парткома крупнейшего электротехнического завода республики. Я согласился и назначил время. Мне ответили, что его - члена Компартии Литвы не пускают в здание, а я заблокирован в здании от русскоязычного населения.

Тогда пришлось поступить по-хитрому: на следующий день организовал ему встречу в Вилейском райкоме партии Вильнюса и на нее пригласил с собой Председателя Президиума Верховного Совета республики, Председателя Правительства и первого секретаря Вильнюсского горкома партии. Когда мы приехали, оказалось, что пришел не только секретарь парткома, но и около 500 человек актива, из них одна треть литовцев, одна треть поляков и одна треть русских.

Сложная была беседа, она длилась более шести часов. Многие выступающие говорили, что руководство СССР предало их. Не могли убедить этот зал в обратном и пришедшие со мною литовские руководители. Завершая свое выступление, сказал одну фразу, в суть которой и сам хотел верить: «Литва была и будет в составе СССР. Русский язык был и будет государственным в Литве. Преподавание в вузах и школах было и будет на русском языке. Гражданство союзное было и останется». Встреча окончилась под бурные аплодисменты, а офицерские жены вручили мне букеты цветов.

В этот момент приоткрылись темные шторы зала, и мы увидели за окнами буквально море людей. На мой вопрос, что происходит, мне спокойно ответили: «Они ждут вас уже более пяти часов». Литовские руководители сразу же ушли в сторону: одному понадобилось лететь в Москву, другому - руководить заседанием правительства. Первый секретарь Вильнюсского горкома партии сказал, если я не выйду к людям, его никогда не изберут депутатом Верховного Совета СССР.

Трудно входить в огромную толпу, настроения которой неизвестны и непредсказуемы: пот буквально прошибает. Идешь - и не хочется останавливаться, толпа за твоей спиной смыкается. И идти

не можешь - выхода нет. Я взял громкоговоритель и повторил через него все то, что сказал до этого в зале, и, как мне потом говорили, встретил понимание, мне поверили. А напрасно. Примерно через три месяца, столкнувшись с упорным бездействием руководства страны, сам понял, что сказал людям неправду. Тогда еще мне было неизвестно о мальтийском соглашении. Прошло почти четверть века, но и сейчас, как тогда, переживаю эти события.

Возможно, что кто-то из советских руководителей того времени и готов был всерьез взяться за работу с Прибалтикой, но все это упиралось в позицию дирижера, который играл совсем другую роль. Помню 5 ноября 1989 года, придя к секретарю ЦК КПСС Г.П.Разумовскому, изложил ему наши предложения и запланированные меры, а в заключение сказал: «Хотите, перед вами на колени стану, неужели вы в Политбюро не видите, что происходит, что мы теряем республики?»

Реакция Разумовского на мои призывы была незамедлительной. Уже 9 ноября провели необходимое совещание, и в республики направили группы партийных работников во главе с секретарями ЦК КПСС. Удалось несколько успокоить обстановку. На время, но не более, а скоро ситуация вернулась на круги своя: бездействие первого лица государства перечеркнуло всю эту работу, извратило всю его так называемую перестройку. Отделение прибалтийских республик продолжалось, разворачивалось в полную мощь движение за чистоту родных языков, началось массовое искажение исторических событий и их хронологии, широко муссировался вопрос о депортация народов Прибалтики. С улиц городов и сел исчезали русские названия, уничтожалось все, что было связано с советским периодом. Все это проходило безнаказанно, под лозунгом перестройки.

ПОДВОДЯ ИТОГИ...

Сейчас многие специалисты говорят, что широкомасштабное отступление под напором национального сепаратизма в Прибалтике стало возможным после упомянутой встречи на Мальте,

2-3 декабря 1989 года. Как писалось в прессе: оба участника встречи уединились за плотно закрытыми дверями и провели секретную беседу по советской Прибалтике. США никогда не признавали вхождение балтийских республик в состав СССР, и на этом Дж.Буш сделал упор, а лидер СССР ему быстро уступил, а ведь мог хотя бы посопротивляться!

Напомнил бы своему новому американскому партнеру, что до 1917 года весь Прибалтийский регион многими десятилетиями входил в состав России и никогда не имел своих государственных образований, что силами Союза ССР там были построены заводы, фабрики, современные порты и военные базы и что все это время там проживали не то что сотни тысяч, а миллионы русских людей. Что после войны в прибалтийские республики были осуществлены огромные финансовые вливания, создана современная инфраструктура, а по темпам своего развития эти республики занимали первые места в СССР.

Ослепленный блеском мировых софитов, Горбачев разваливал свое государство, а заодно пускал русских, да и не только русских, людей по миру. Авторитет его оказался колоссом на глиняных ногах. После Мальты в местной прибалтийской печати и СМИ усилилось издевательство над СССР, над ним самим, а прибалтийским националистам был дан «зеленый свет» на реализацию своих задумок.

Мне часто задавали вопрос: можно ли было в то время сохранить Советский Союз? Сам задавал его себе, и ответ был таков: да, можно. На конфедеративной основе. Ведь на первом этапе просили свободной экономической зоны в торговле сельхозпродуктами. Но в ответ слышали - нет, нет! А почему бы не дать? Почему не позволить, ведь поступали так в других соцстранах - и ничего страшного не происходило! А вместо этого открыли грязные политические шлюзы.

Выступая 22 октября 2015 года, на мероприятиях Валдайского клуба, В.Путин назвал распад СССР трагедией гуманитарного характера. По его словам, в результате распада 25 млн. этнических русских оказались в одночасье за рубежом помимо своей воли, распалась социальная система, экономика рухнула. «Русский на-

род, - заявил президент, - оказался самым большим разделенным народом в мире». Что-то еще можно добавить к такой оценке? Цена бездействия бывает страшной, учесть его уроки - задача нового поколения россиян.

---

¹См.: Трофимов Е., Фролов А. Вопросы предвоенного строительства СССР и законодательные процессы// Международная жизнь. История без купюр. 2012.

²Присоединение Прибалтики к СССР// Istorik.org/2008/02

³www.e-reading.by/chapter.php/1007028/43/ema-pribaltik